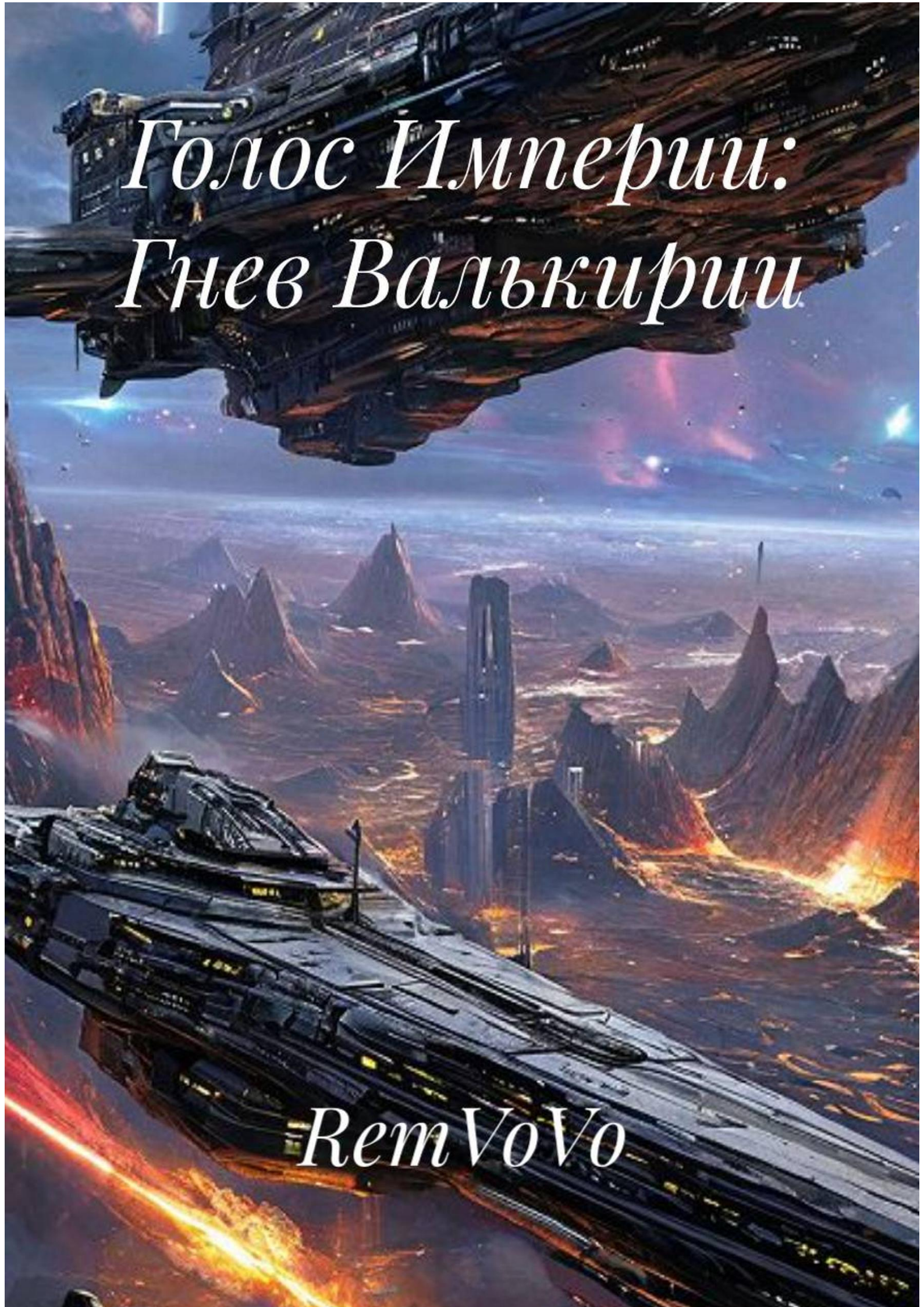

The background of the image is a movie poster for Star Wars: The Force Awakens. It features a large, dark, metallic spaceship (the Starkiller Base) floating in the sky. Below it, a smaller spaceship (the Millennium Falcon) is flying over a landscape of jagged, dark mountains and a body of water. The sky is filled with colorful nebulae and stars. The title "Голос Империи: Гнев Валькирии" is written in a white, serif font across the top half of the image. The name "RemVoVo" is written in a white, serif font at the bottom right of the image.

Голос Империи: Гнев Валькирии

RemVoVo

RemVoVo

Голос Империи: Гнев Валькирии

«Автор»

2026

RemVoVo

Голос Империи: Гнев Валькирии / RemVoVo — «Автор», 2026

Имперский крейсер «Гнев Валькирии» преследует Рой — и проваливается в портал, ведущий в другую Вселенную. Капитан Кайя Сольвейг, бывшая элитная Валькирия, теряет Императора, связь с домом и почти всякую надежду. Но в чужой галактике, где физика «сырая», а пространство подчиняется силе мысли, её нейроинтерфейс пробуждает дар, способный изменить реальность. Команда требует новой жизни, Наблюдатели предлагают сделку, а Хаос жаждет поглотить всё. Сможет ли Кайя остаться человеком, когда Вселенная предлагает ей стать богиней? Эпичная космическая опера о свободе, жертве и рождении новой Империи из пепла старой.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя охота	5
Глава 2. Тишина в эфире	9
Глава 3. Валькирия без крыльев	14
Глава 4. Голос крови	18
Глава 5. Психологическая война	22
Глава 6. Первый контакт	26
Глава 7. Искуситель	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Голос Империи: Гнев Валькирии

Глава 1. Последняя охота

Кайя Сольвейг чувствовала вибрацию крейсера сквозь подошвы сапог, будто живое сердце гигантского зверя билось у неё под ногами. «Гнев Валькирии» стонал, но не от боли — от ярости. Орудийные башни главного калибра выплевывали сгустки плазмы с интервалом в три секунды, и каждый залп озарял рубку ослепительными вспышками, на долю мгновения превращая лица офицеров в безжизненные маски из света и тени.

Кайя стояла в центре, не касаясь кресла, — она никогда не садилась во время боя. Пальцы её правой руки, обтянутые тонкой перчаткой из углеродной сетки, скользили по голографической панели тактического пульта, и каждый жест вызывал каскад изменений на дисплеях. Она была невысокой, но её плечи — широкие, тренированные — выдавали бывшую абордажницу. Короткие пепельные волосы, выбритые на висках, открывали тонкую линию нейроинтерфейса, пульсирующую бледно-голубым светом — сейчас он работал на полную мощность, передавая ей потоки данных с сотен датчиков прямо в мозг.

— Третий флот в режиме коллапса, капитан, — голос старпома, Эрика Ванна, звучал сухо, как треск перегретого реле. — «Железный кулак» потерял двигатели, дрейфует в секторе семь-десять. Жуки рвут его на части.

Кайя даже не взглянула на экран, где символ имперского линкора уже мигал красным, окруженный роем из сотен мелких точек. Она знала, что «Кулак» обречён. Все они были обречены, пока не выполнят приказ Адмиралтейства: любой ценой заманить Рой в гравитационную аномалию у системы Денеб-Кси, где, по расчётам ксенологов, пространство было настолько тонким, что даже массивное возмущение от улья могло вызвать разрыв в гиперпространстве.

— Время до точки входа? — спросила она, не повышая голоса, но в тишине рубки — только шипение систем охлаждения да прерывистый писк радаров — её вопрос прозвучал как удар хлыста.

— Две минуты сорок секунд, — ответил навигатор, лейтенант Киран, молодой парень с родинкой на щеке, которая сейчас казалась чёрной точкой на фоне мертвенно-бледной кожи. Он дрожал, но руки двигались точно, выверяя курс. — Но, капитан, аномалия нестабильна. Если мы войдём с таким ускорением, нас размажет по сингулярности. Нужно сбросить скорость хотя бы на тридцать процентов.

— Нет, — отрезала Кайя. — Если сбросим, нас сожрут раньше, чем мы доползём. Держи максимальный форсаж. Мы — приманка, а приманка должна быть быстрее жертвы.

Она говорила о Рое, хотя в любой другой ситуации никто не посмел бы назвать этих тварей «жертвами». Рой — космические жуки, панцирные чудовища размером от шаттла до крейсера,двигающиеся коллективным разумом, — был самым страшным врагом Империи за последние тысячу лет. Они не вели переговоров, не брали пленных, не оставляли планет для колонизации — только выжженные корки и молчание в эфире. Но у них был один инстинкт: они преследовали любой источник мощных гравитационных волн. Империя научилась использовать это против них.

«Гнев Валькирии» нёс на борту экспериментальный гравитационный резонатор — устройство, создававшее искусственную рябь в пространстве-времени, которая для Роя звучала как брачный зов. И сейчас этот резонатор работал на пределе, заставляя крейсер вибрировать так, что зубы у механиков в машинном отделении стучали в такт.

Кайя перевела взгляд на главный экран. Там, в чёрной пустоте, кипел ад. Флот Империи — около сорока выпелов, от лёгких фрегатов до дредноутов — пытался построить оборо-

нительный периметр, но Рой наваливался со всех сторон. Жуки не использовали орудий: они таранили, прогрызали броню, высасывали экипаж через пробоины. Огромная тварь размером с эсминец — матка? командующий? — висела в глубине, шевеля десятками щупалец, и Кайя знала, что именно туда она должна увести основную массу.

— Поднимайте резонатор до девяноста пяти процентов, — приказала она. — Пусть они думают, что мы пытаемся убежать. Хуже — пусть думают, что мы ранены.

Инженер, коренастая женщина по прозвищу Коваль, ответила через интерком шипящим голосом: — Капитан, ещё пять процентов — и генератор расплавится. Мы не успеем остудить.

— Я сказала — делайте. Я возьму перегрузку на себя.

Кайя коснулась виска, активируя нейроинтерфейс на полную. Она чувствовала каждый болт на крейсере, каждую каплю охлаждающей жидкости, текущую по трубкам. Это был дар Валькирий — возможность сливаться с машиной, становиться её нервной системой. Ей больно обжигало затылок, но она подавила импульс морщиться. Боль была привычной, как дыхание.

Рой отреагировал мгновенно. Тысячи мелких жуков, словно рой металлических ос, оторвались от обречённого «Железного кулака» и устремились к «Гневу». Они двигались быстрее света в искривлённом пространстве, оставляя за собой искажённые шлейфы, и через десять секунд первые из них уже вгрызались в кормовую броню.

— Активировать противометеоритные поля! — крикнул старпом, но Кайя подняла руку.

— Нет. Пусть едят. Это даст нам дополнительное ускорение — их масса будет толкать нас к аномалии.

Она просчитала риск за долю секунды: броня выдержит ещё полторы минуты, а им нужно всего сорок секунд до входа в разрыв. Если жуки проникнут в отсеки — они успеют запереть переборки. Главное — не сбиться с курса.

— Эрик, лично проконтролируй герметизацию секторов «Альфа» и «Бета». Возьми с собой троих Валькирий.

— Есть, капитан.

Старпом исчез за дверью лифта, а Кайя переключилась на управление маневровыми двигателями. Теперь она, фактически, пилотировала корабль сама, минуя навигационные системы. Её пальцы на пульте двигались с нечеловеческой быстротой — нейроинтерфейс передавал сигналы напрямую в силовые установки. Крейсер вильнул влево, уклоняясь от особенно крупного жука, затем вправо, проходя между двумя дрейфующими обломками имперского фрегата.

— Тридцать секунд! — выкрикнул Киран, вцепившись в подлокотники.

Кайя не ответила. Она видела аномалию уже невооружённым глазом — не через дисплеи, а через внутреннее зрение, которое давал интерфейс. Там, впереди, пространство пульсировало, переливалось всеми цветами, которых не существует в нормальном спектре. Это была не дыра, не воронка — скорее, мембрана, пузырь, который пульсировал в такт сердцебиению Кайи, или, возможно, сердцебиение подстраивалось под него.

— Двадцать секунд! — Рой озверел. Жуки всей массой обрушились на крейсер, и рубка содрогнулась от мощнейшего удара. Загорелась красная аварийная панель — повреждён кормовой отсек, разгерметизация. Кайя слышала, как где-то внизу завывли сирены и экипаж задрал люки.

— Пятнадцать!

Она прикусила губу до крови. Вкус железа и озона смешался на языке.

— Десять! Капитан, мы не входим, мы падаем! — заорал Киран, и в его голосе впервые прорезалась паника.

Кайя знала. Аномалия тянула их сильнее, чем гравитационный резонатор, чем двигатели — она перехватила инициативу. Крейсер кренился, звёзды за окнами рубки расплывались в

длинные полосы, и ультрафиолетовый свет стал настолько ярким, что автоматические фильтры не справлялись.

— Мы заходим! — рявкнула она. — Всем держаться! Ручное управление — ноль, система берёт контроль!

Она успела поймать взгляд лейтенанта Кирана — его глаза расширились, он что-то крикнул, но звук пропал. Пропали все звуки. Пропали вибрации. Исчезла сила тяжести — или её стало так много, что она перестала ощущаться как направленная вниз. На мгновение Кайя увидела собственные руки, светящиеся изнутри синим огнём нейроинтерфейса, и поняла, что её тело больше не подчиняется законам привычной физики.

Потом была вспышка.

Не свет, а отсутствие света — настолько плотная, абсолютная тьма, что она сжала всё существо Кайи, как кулак, сдавливающий губку. Она потеряла счёт времени. Может, секунда, может, вечность. Нейроинтерфейс зашкалил, и она в последнем сознательном рывке послала команду на отключение резонатора — иначе они превратились бы в кашу из атомов.

А потом — тишина.

Самая страшная тишина, которую она когда-либо слышала. Ни гула двигателей, ни треска систем охлаждения, ни писка радаров. Ничего. Только гул в ушах — собственный кровоток, вернувшийся с запозданием, как после ныряния на большую глубину.

Кайя открыла глаза.

Она висела в воздухе в нескольких сантиметрах над полом, медленно вращаясь вокруг своей оси. Перегрузка прыжка ещё не отпустила, но сила тяжести постепенно возвращалась. Она мягко опустилась на палубу, коснулась её ладонями и огляделась.

Рубка была погружена в красный аварийный свет. С потолка сыпались искры, где-то потрескивал короткозамкнутый кабель. Несколько офицеров лежали без сознания — Киран, скорчившись у пульта, дышал часто и поверхностно. В рубке находилось всего семь человек; остальные были за переборками или в лифтах.

— Доклад! — прохрипела Кайя, но голос не слушался — он сел, сорванный от напряжения. Она прочистила горло и повторила громче: — Доклад по системам!

Никто не ответил. Она поднялась, шагнула к главному пулту, провела пальцами по экрану, который едва теплился.

— Компьютер, активировать диагностику. Приоритет — жизнеобеспечение, двигатели, навигация.

Синтезированный голос, всегда спокойный и ровный, сейчас звучал с задержками, словно ИИ крейсера оглушило не меньше, чем экипаж.

«Диагностика... жизнеобеспечение... стабильно, но в резервном режиме. Двигатели... отключены. Навигация... ошибка. Ошибка. Ошибка.»

— Что значит «ошибка»? — рявкнула Кайя, ударив кулаком по консоли. — Конкретизируй!

«Звёздные карты не соответствуют ни одному известному каталогу. Спектральный анализ... проведение... анализ завершён. Смещение спектра в ультрафиолетовую область на пятнадцать процентов. Астронавигационная система не может определить местоположение. Пожалуйста, запросите ручную калибровку.»

Кайя замерла.

Смещение спектра. Она знала, что это значит. Каждая звезда имеет свой характерный спектр, и даже при космических расстояниях сдвиг был вполне предсказуем, если знать параметры движения. Но пятнадцать процентов — это не сдвиг Доплера от движения корабля. Это значит, что они находятся в совершенно иной области галактики, возможно, в другой галактике, или — хуже — в другой вселенной с иной фундаментальной физикой.

Она заставила себя выпрямиться, перевела дыхание. Пальцы дрожали, но она сжала их в кулаки, возвращая себе контроль.

— Включить внешние камеры на главный экран. Максимальная чувствительность.

Задний экран, самый большой, поначалу выдал только чёрный фон, усеянный точками. Кайя прищурилась — точки были не белыми или голубоватыми, как привычные звёзды, а зелёными, фиолетовыми, с глубоким ультрафиолетовым отливом. Их было много, но они казались... чуждыми. Неестественно правильные ряды, будто расставленные чертёжником.

— Где Рой? — спросила она, обращаясь скорее к себе, но ИИ ответил.

«Сканирование на наличие органических масс, превышающих критический порог... нулевой результат. Пространство очищено. Радар не фиксирует целей. Повторяю: ни одного контакта. Рой не обнаружен.»

Кайя почувствовала, как ледяная игла входит в основание черепа. Это был не страх — это была абсолютная пустота там, где должна быть ярость, адреналин, цель. Она привыкла к бою, к хаосу, к непрерывному потоку угроз. А эта тишина, эта девственная чистота звёзд — она была противоестественной.

Сзади зашевелился старпом. Эрик Ванн с трудом поднялся, держась за кресло, и подошёл к ней. Он был высок, худощав, с глубокими морщинами у глаз — возраст, скрытый под омолаживающей терапией, но выдаваемый усталостью. Он посмотрел на экран, потом на Кайю, и его лицо ничего не выражало.

— Капитан... где мы? — спросил он тихо, почти шёпотом, чтобы остальные не слышали.

Кайя повернулась к нему. Её глаза, тёмно-серые, с золотистыми искрами нейроинтерфейса, встретились с его.

— Мы не знаем, — ответила она честно. — Но мы живы. Этого достаточно, чтобы начать.

Она подошла к креслу капитана и села — впервые за всё время боя. Пальцы легли на подлокотники, на знакомые сенсоры. Она закрыла глаза на мгновение и мысленно перебрала всех, кто был с ней: три сотни человек, включая пять оставшихся сестёр-Валькирий. Все они зависели от неё.

— Компьютер, — произнесла она спокойным, ледяным тоном, — полная инвентаризация ресурсов. Восстановить связь с внутренними отсеками. Организовать поисковые группы для раненых. И — отключить гравитационный резонатор. Навсегда.

— Капитан, — вмешался лейтенант Киран, приходя в себя, — но если мы его отключим, мы не сможем приманить Рой обратно. Это был наш единственный козырь.

Кайя посмотрела на него так, что он съёжился.

— Роя нет, лейтенант. Рой остался там. А мы — здесь. И здесь, если я правильно понимаю спектр, никто не ждёт нас с распростёртыми объятиями. Но мы — имперский крейсер. Мы выжили в прыжке, который должен был нас уничтожить. Значит, мы сильнее, чем думали. А теперь — выполняйте приказ.

Она отвернулась к экрану, где медленно вращались чужие, ультрафиолетовые звёзды, и в её груди зарождалось странное, новое чувство. Не преданность Императору, не ярость к Рою, а холодное, стальное спокойствие хищника, оказавшегося в незнакомом лесу. Она не знала, что они найдут в этой пустой вселенной, но знала точно: «Гнев Валькирии» будет первым, кто оставит здесь свой след.

И где-то глубоко, под слоями военной дисциплины, она позволила себе мимолётную мысль: *а что, если это шанс начать всё заново?*

Но она отбросила эту мысль так же быстро, как пришла. Она верна Императору. Пока есть надежда — она найдёт путь домой. Даже если для этого придётся сжечь эту новую вселенную дотла.

Глава 2. Тишина в эфире

Прошло три часа с момента выхода из аномалии, и рубка «Гнева Валькирии» превратилась в осиное гнездо. Красный аварийный свет сменился на тусклый белый — резервный режим экономил энергию. Кайя Сольвейг не покидала капитанского кресла всё это время, лишь изредка позволяя себе сделать глоток воды из фляги, пристёгнутой к подлокотнику. Её глаза, покрасневшие от напряжения, неотрывно следили за тремя голографическими панелями, на которых безостановочно бежали столбцы данных.

Она пыталась найти хоть что-то знакомое. Хоть один спектральный отпечаток звезды, который совпал бы с базой данных Адмиралтейства. Хоть одно созвездие, пусть даже искажённое временем или гравитационными линзами. Но звёзды за экраном были чужими. Каждая из них. Они горели ровно, без мерцания, без привычного для Имперских карт распределения плотности — словно кто-то взял реальный Млечный Путь, перетряхнул его в гигантской урне и высыпал обратно в хаотичном, но пугающе симметричном порядке.

Старпом Эрик Ванн стоял рядом, чуть позади, скрестив руки на груди. Он уже успел сменить форменную куртку, испачканную машинным маслом после обхода повреждённых отсеков, и теперь выглядел почти как на параде — если бы не глубокая складка между бровями, которая не исчезала, даже когда он пытался улыбнуться.

— Капитан, — начал он, и голос его прозвучал тяжелее обычного, — навигационная система провела кросс-референс с сорока двумя каталогами. Включая запасные базы, которые мы загрузили с «Железного кулака» перед его гибелью.

Кайя медленно перевела взгляд на него. Ей не нужно было спрашивать результат — она видела его по лицу старпома. Но привычка требовать точных формулировок оказалась сильнее.

— Итог, Эрик.

— Нулевое совпадение. Абсолютный ноль. Ни одна звезда, ни один газовый гигант, ни одна туманность не соответствует ни одному сектору Империи. Более того, компьютер проанализировал пространственное распределение галактических сверхскоплений — и они тоже не совпадают. Мы даже не знаем, в какой рукаве находимся. Буквально.

Кайя моргнула. Она знала, что такое «абсолютный ноль» в устах Ванна — это катастрофа, которую он пытался смягчить дипломатичным тоном. Если бы они были на краю галактики, система бы выдала хотя бы приблизительную координатную сетку. Если бы они были в соседней галактике — спектральное смещение указало бы на движение, но формы созвездий всё равно остались бы узнаваемыми для базового ИИ. А здесь...

— Покажи мне сравнение, — приказала она.

Эрик махнул рукой, и перед ними развернулась трёхмерная голограмма. Слева — эталонная карта Имперских секторов, с чёткими кластерами, с характерным скоплением голубых гигантов в районе туманности Ориона. Справа — текущая звёздная карта, которую построили сканеры «Гнева». Кайя смотрела на них, и внутреннее чутьё, натренированное тысячами боёв, кричало ей, что это просто разные рисунки. Одна карта была узнаваема, как лицо матери; другая — как лицо инопланетянина, которого она видела впервые.

— Мы могли сместиться во времени? — спросила она, стараясь сохранить голос ровным. — На миллионы лет вперёд или назад? Звёзды ведь движутся.

— Нет, капитан. Я проверил с помощью реликтового излучения. Возраст Вселенной по нашим замерам совпадает с расчётным — тринадцать целых восемь десятых миллиарда лет, плюс-минус сотня тысяч. Мы не ушли во времени. Мы ушли в пространстве. Или хуже.

— Хуже?

Эрик понизил голос так, чтобы его могли услышать только она и пара офицеров у ближайших пультов:

— Или мы пересекли барьер между параллельными вселенными. Физика здесь идентична, законы те же, но начальные условия — другие. Эта галактика, возможно, сформировалась по иному сценарию. Поэтому звёзды расположены иначе. Это не наша Вселенная, Кайя. Это совершенно другая.

Она почувствовала, как холодок пробегает по позвоночнику, но не позволила себе вздрогнуть. Снаружи, в рубке, не должно быть слабости. Она капитан, а капитаны не показывают страха даже тогда, когда их миры рушатся буквально — как этот, за бортом.

— Тогда мы найдём аномалию, — сказала она твёрдо. — Если мы вошли сюда через разрыв, значит, разрыв существует. И мы сможем войти обратно. Прикажи всем сканерам работать в пассивном и активном режимах на максимальной дальности. Ищи любые гравитационные возмущения, любые остаточные следы нашего прыжка. Нам нужна точка входа.

— Есть, — кивнул Ванн, но в его глазах мелькнула тень сомнения. Он не спорил — он был слишком хорошим офицером для этого, но Кайя знала, о чём он думает. Если аномалия была нестабильной, если она схлопнулась сразу после их прохода — обратного пути может не быть вовсе.

Она отогнала эту мысль и переключила внимание на связиста. Молодой лейтенант по имени Дженна Рей, с короткими рыжими волосами и россыпью веснушек на носу, сидела за пультом дальней связи и выглядела так, будто только что увидела призрака. Её лицо было бледнее обычного, а пальцы дрожали над сенсорной панелью.

— Рей, — окликнула её Кайя. — Что с дальними каналами? Есть сигналы?

Дженна подняла на неё глаза — они были стеклянными, невидящими.

— Есть, капитан. Но я не могу понять, что это.

Кайя поднялась с кресла и быстрым шагом пересекла рубку, остановившись за спиной связиста. На экране Дженны отображался частотный спектр — от самых низких радиочастот до гамма-диапазона. Всё было ровно, как гладь океана в штиль. Никаких искусственных импульсов, никаких модулированных сигналов — полная пустота, которую Имперские инженеры называли «космическим белым шумом».

Но на одной частоте, в самом центре УКВ-диапазона, где обычно передавали сигналы бедствия или навигационные маяки, была едва заметная пульсация. Не чёткий сигнал — скорее, дрожание, похожее на шепот ветра в микрофон.

— Что это? — спросила Кайя, наклоняясь ближе.

— Я не знаю, — ответила Дженна. Её голос сел, и она прочистила горло. — Оно не модулировано. Нет ни битовой синхронизации, ни несущей частоты. Но оно повторяется. С интервалом примерно в сорок семь секунд. Я думала, это помеха от наших собственных систем, но я отключила все внутренние передатчики — сигнал остался.

— Увеличь.

Дженна развернула осциллограмму. Пульсация была похожа на слабые колебания, как будто кто-то на самой грани слышимости выдыхал слова на неизвестном языке. Кайя прикрыла глаза, напрягая слух, но рубка гудела, и она ничего не могла разобрать.

— Выведи на динамики, — приказала она.

Дженна щёлкнула тумблером. Из встроенных громкоговорителей пошёл шипящий, низкочастотный звук. Он не был музыкой, не был речью — он был чем-то средним между шумом прибоя и шелестом сухих листьев, но с едва уловимыми обертонами, которые заставляли волосы на руках Кайи вставать дыбом.

— Это может быть естественное излучение, — сказала Кайя, но в голосе не было уверенности. — Какой-нибудь пульсар с аномально низкой частотой.

— Пульсары не дают такого спектра, — возразила Дженна. — У них более жёсткое излучение, и оно линейно. А здесь — я проверила — это идёт из пустоты. Без источника. Я напра-

вила узконаправленный луч на точку, где сигнал был сильнее всего, — абсолютная тьма. Ни звёзд, ни газа, ни планетезималей. Только фон.

Кайя выпрямилась. Её мозг автоматически перебирал варианты: заброшенный маяк древней цивилизации, отражённый сигнал от их собственного прыжка, который заиклился в замкнутом пространстве... Но она знала, что это не так. Она чувствовала — интуиция Валькирии, которая никогда её не подводила в бою, сейчас кричала: *это не случайность*.

— Продолжай запись, — велела она. — Засекай время каждого импульса. Построй график. Сравни с нашим курсом и скоростью. Если источник статичен, мы поймём это по изменению доплеровского смещения.

— Есть, — кивнула Дженна, но её пальцы всё ещё дрожали.

Кайя отошла от пульта и вернулась в центр рубки. Теперь она смотрела на команду — не только на офицеров, но на каждого, кто находился в поле зрения. Кто-то стоял у аварийных выходов, кто-то проверял цепи питания. Они все были напуганы, хотя прятали страх за масками профессионализма. И это было понятно: они привыкли к понятному врагу, к чётким приказам, к звёздным картам, которые можно было перевернуть и найти нужный путь. А теперь у них не было ничего. Ни карт, ни врага, ни цели. Только шепот из пустоты.

Она подошла к главному навигационному пульту, где лейтенант Киран пытался перекалибровать астрометрические датчики. Он выглядел измотанным, под глазами залегли тени, но пальцы работали с точностью часовщика.

— Киран, — сказала она негромко, чтобы остальные не слышали, — у тебя есть какие-нибудь догадки? Мы могли войти в область галактики, которая просто не исследована Империей? Может, мы на другой стороне Млечного Пути, где навигационные базы неполные?

Лейтенант поднял голову и устало покачал головой.

— Я уже подумал об этом, капитан. Я загрузил все альтернативные модели вращения галактики, все гипотезы о рукавах. Ни одна не совпадает. Наша галактика имеет спиральную структуру с четырьмя основными рукавами. Здесь, — он показал на свежестроенную схему, — структура тоже спиральная, но рукавов шесть. И они закручены в другую сторону. Это не угол обзора, капитан. Это фундаментальное различие.

Кайя помолчала. Шесть рукавов. Другое направление вращения. Это значило, что гравитационные потенциалы, история слияний, распределение тёмной материи — всё было иным. И если их физика здесь работала, то только потому, что законы природы были универсальны, но начальные условия... начальные условия были сценарием, который никто из них не читал.

— Что с аномалией, которую мы ищем? — спросила она, возвращаясь к главному. — Есть хоть какие-то данные?

— Я запустил гравитационный томограф. Он ищет области с искривлением пространства, не соответствующим локальным массам. Но ничего. Пространство здесь почти идеально плоское. Никаких кротовых нор, никаких червоточин. Только обычные звёзды и планеты. Похоже, этот сектор — если можно так назвать — девственный. Никто не создавал здесь искусственных разрывов.

— Значит, мы сами создали этот разрыв? — спросила она, скорее риторически.

— Выходит, что так. Наш резонатор, смещённый с прыжком сквозь аномалию, пробил дыру туда, где её быть не должно. И теперь у нас нет технологии, чтобы повторить это в обратную сторону. Мы не знаем параметров, капитан. У нас нет точки отсчёта.

Кайя сжала челюсти. Она хотела приказать искать, пробовать, экспериментировать — но она была достаточно умна, чтобы понимать: сырые эксперименты с пространством-временем могут уничтожить корабль и всех, кто на нём находится. Они не были учёными; они были военными. И их единственная надежда — найти след, который оставила аномалия при входе.

— Киран, сосредоточься на том, чтобы найти гравитационные волны от нашего прыжка. Мы создали возмущение, которое должно распространяться в пространстве, как круги по воде. Даже если оно затухает, оно должно быть заметно на протяжении нескольких часов. Найди его.

— Я пытаюсь, капитан. Но оно не отражается от межзвёздного газа, а тёмная материя не взаимодействует с обычными детекторами. Это как искать след иглы в стоге сена... если сено — это бесконечная пустота.

Она повернулась к нему спиной, давая понять, что разговор окончен. Ей нужно было время подумать. Она вернулась в кресло, села, закрыла глаза на несколько секунд. Нейроинтерфейс гудел на затылке, но она не активировала его — сейчас ей нужен был чистый человеческий разум, без машинных подсказок.

— Команда, — сказала она громко, чтобы все слышали, — я понимаю ваше беспокойство. Мы потерялись. Мы не знаем, где находимся. Но мы живы, и у нас есть ресурсы. У нас есть оружие. У нас есть друг у друга. Мы будем искать путь назад, даже если для этого придётся переписать всю астронавигацию с нуля.

Она сделала паузу, обводя взглядом рубку. Лица повернулись к ней — уставшие, испуганные, но внимательные.

— Пока мы ищем аномалию, я хочу, чтобы каждый из вас задумался о следующем: мы не одни. Тот сигнал, который поймала Дженна, — это не шум. Я чувствую это. Он может быть ключом. Может быть, в этой вселенной есть кто-то, кто сможет нам помочь. Или кто-то, кто знает дорогу домой. Я не собираюсь отчаиваться. Вы тоже не смейте.

Она перевела взгляд на Дженну.

— Запиши этот сигнал. Пошли его в открытом режиме, с модуляцией Имперского протокола. Если там есть цивилизация, они поймут, что это не просто белый шум. Пусть знают, что мы здесь. И пусть ответят.

Дженна кивнула, но её лицо оставалось бледным. Она набрала команду, и через мгновение рубка наполнилась тихим гудением — это антенны крейсера начинали вещать в пустоту, выбрасывая в межзвёздную тьму пакет данных с описанием корабля, его происхождения и координатной сетки, которая не вела никуда.

Кайя смотрела на главный экран. Там, среди чужих звёзд, всё так же висела пустота. И в пустоте этой пульсировал шепот, который Дженна не могла перевести, а Кайя — проигнорировать. Он казался ей почти знакомым. Как голос, услышанный во сне. Как память, которой у неё не было.

Кто ты? — подумала она, глядя в фиолетовые и зелёные точки чужого неба. *И зачем ты зовёшь нас?*

Но ответа не было. Только бесконечная тишина, прерываемая ровным шепотом, который вибрировал где-то на границе восприятия, словно сама Вселенная пыталась сказать что-то важное, но забыла слова.

Кайя откинулась в кресле и позволила себе одну слабость: она прикрыла веки и на мгновение представила Императора — старого человека с орлиным профилем, который когда-то лично надел на неё нашивки Валькирии. Она представила его глаза, требовательные и холодные. Он ждал от неё победы. Он ждал, что она вернётся.

— Я вернусь, — прошептала она одними губами. — Клянусь.

Но даже она не знала, как. Или когда. Или какой ценой.

Эрик Ванн подошёл к ней, остановился у кресла.

— Капитан, — сказал он очень тихо, — я хочу сказать тебе что-то, что не предназначено для ушей остальных.

Кайя открыла глаза и посмотрела на него. В его взгляде была решимость, но и что-то ещё — почти сочувствие.

— Говори.

— Мы не вернёмся, — сказал он просто. — Я не знаю, как это тебе объяснить, но я прослужил на флоте тридцать лет. Я видел четыре прыжка через аномалии. Те, что вели обратно, оставляли гравитационный хвост. Здесь хвоста нет. Аномалия схлопнулась, Кайя. Она захлопнулась за нами, как капкан.

Она смотрела на него, не мигая.

— Ты хочешь сказать, что мы застряли здесь навсегда?

— Я хочу сказать, что мы должны перестать искать дорогу назад и начать искать дорогу вперёд. Здесь есть жизнь. Здесь есть сигнал. Мы можем построить новую базу, найти союзников, создать всё заново. Империя... она в прошлом, Кайя. Она всегда будет в прошлом.

В его голосе не было предательства. Была лишь усталая правда, которую он не мог больше держать в себе.

Кайя медленно встала, подошла к нему вплотную. Её глаза горели холодным огнём.

— Я не сдамся, Эрик. Я верна Императору. Я верна присяге. Ты можешь смириться — я нет. Если надо, я переверну каждый атом этого космоса, но найду путь домой. И ты, и все остальные — вы пойдёте за мной. Потому что я — ваш капитан. И я не позволю вам умереть здесь, в чужой и пустой тьме, с мыслью, что мы проиграли.

Она отвернулась и направилась к выходу из рубки.

— Я буду в своей каюте. Свяжитесь со мной, если сигнал станет яснее или если найдётся аномалия. Если нет — я вернусь через четыре часа, и мы начнём планировать наше выживание. Но я не перестану искать. Никогда.

Дверь за ней закрылась, оставив рубку в тишине, нарушаемой лишь тихим, навязчивым шепотом из космоса. И никто из оставшихся не знал, что делать с этим звуком — или с той мыслью, которую посеял старпом. Мыслью о том, что они уже никогда не увидят родных звёзд.

Глава 3. Валькирия без крыльев

Дверь каюты капитана зашипела, закрываясь за спиной Кайи, и звук этот показался ей почти облегчением — механический вздох, который отрезал её от рубки, от команды, от навязчивого шепота из космоса. Она стояла в полной темноте, слыша только собственное дыхание и гул вентиляции, который никогда не прекращался даже в самом глубоком космосе.

Потом, спустя несколько секунд, автоматика включила мягкий приглушённый свет, и Кайя увидела знакомое пространство. Каюта была спартанской: узкая койка, застеленная серым армейским одеялом, письменный стол с встроенным терминалом, шкаф для формы, и единственное личное украшение — небольшой металлический жетон на стене, отлитый в форме крыла. Жетон Валькирии, который она носила на груди в день посвящения.

Она закрыла глаза и прислонилась спиной к холодной панели двери. Её лоб покрылся испариной, хотя в каюте было прохладно. Силы, которую она так искусно демонстрировала в рубке, больше не существовало. Она осталась там, среди офицеров, как маска, которую она сняла, как только дверь захлопнулась.

— Четыре часа, — прошептала она вслух. — Четыре часа до того, как я должна буду снова стать капитаном.

Но внутри неё было нечто большее, чем усталость. Там, в глубине, за слоями выучки, дисциплины и многолетней войны, шевелилась знакомая боль. Она не давала о себе знать годами, но сейчас, в этой чужой вселенной, среди звёзд, которые не были её звёздами, она просыпалась, как старый враг, которого ты не можешь победить, потому что он — это ты сам.

Кайя медленно разделась, оставляя форму на стуле. Сначала бронежилет — тяжёлый, с пластинами из карбида вольфрама, спасший её жизнь не меньше дюжины раз. Затем пилотский комбинезон, пропитанный потом и машинным маслом. Она стояла в одной тонкой термобелье, когда подошла к маленькому зеркалу в углу, встроенному в шкаф. И посмотрела на себя.

Зеркало отражало женщину, которая выглядела старше своих тридцати двух лет. Лицо с острыми скулами, прямым носом и упрямым подбородком — лицо, которое привыкло командовать, привыкло побеждать. Но глаза... глаза были серыми, как сталь, и они смотрели на неё с усталостью, которую нельзя было скрыть даже под слоем боевого грима, который она давно не наносила. Глаза её были пустыми. Как та вселенная за бортом.

Она коснулась пальцами правого виска, где под кожей пульсировала тонкая голубая линия нейроинтерфейса. Она не активировала его — не нужно было. Но касание вызвало воспоминание, такое яркое и осязаемое, что Кайя на мгновение перенеслась на шестнадцать лет назад, в тот день, когда она стала Валькирией.

Она была тогда совсем другой. Шестнадцатилетняя девчонка с длинными тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, которая хлестала по спине, когда она бежала. Она бежала по мокрому бетону тренировочного полигона на планете Терра-Нова, где воздух пах озоном и жжёной проволокой. Дождь лил стеной, но Кайя не замечала его — она видела только финишную черту, оранжевый флажок в двухстах метрах впереди, и десяток других девушек, бегущих рядом.

Их было сорок. Сорок претенденток в отряд Валькирий — элитного подразделения имперских истребителей, созданного по личному указу Императора. Только десятеро из них пройдут отбор. Остальные вернутся в обычные войска — если выживут.

Кайя была четвёртой. Она помнила это число с точностью до миллисекунды, потому что каждая клетка её тела кричала о боли, о нехватке кислорода, но она не сбавляла шага. Она дышала через раз, но ноги двигались сами, автоматически, как у машины. И когда она пере-

секла черту, упав на колени в грязь, она услышала голос инструктора — низкий, стальной, как наждак:

— Сольвейг. Ты принята.

Она подняла голову и увидела его. Командир Валькирий, женщина по имени Астрид, с седыми волосами, выбритыми под ноль, и шрамом через всю правую бровь. Она была старше, сильнее, и смотрела на Кайю не как на человека, а как на заготовку — сырой материал, который предстояло выковать в оружие.

— Ты слабая, — сказала Астрид, когда Кайя стояла перед ней в строю, дрожа от холода и усталости. — Но у тебя есть одно качество, которое я ищу: ты не сдаёшься, даже когда всё внутри тебя кричит «стоп». Это качество — или спасёт тебя, или убьёт. Мы это выясним.

Кайя помнила тогда, как сжала кулаки. Слабая? Она пробежала четыре километра под дождём, обогнав тридцать шесть других кандидаток, и её называли слабой? Тогда что они называли силой? Она узнала это на следующий день, когда началась имплантация нейроинтерфейса.

Это была самая страшная боль в её жизни. Она думала, что боль от ран, от переломов, от тренировок была пределом. Но когда хирурги вскрыли ей череп и вживили в мозг микрочип, который должен был связать её нервную систему с истребителем, она поняла, что такое настоящая пытка. Ей не дали анестезии — такова была традиция Валькирий. Если ты не можешь выдержать боль без наркоза, ты не сможешь выдержать перегрузки в бою.

Она кричала. Она помнила свой собственный крик, срывающий горло, и как слёзы смешивались с кровью, стекающей по щекам. Она слышала, как другие девушки кричат рядом — в соседних операционных, в коридорах, повсюду. Это был хор боли, который длился семь часов.

Но когда интерфейс включился, когда она впервые почувствовала, как её сознание раздваивается — часть остаётся в теле, а часть перетекает в машину — она перестала кричать. Она почувствовала себя богиней. Она видела не глазами, а сенсорами истребителя. Она слышала не ушами, а радаром. Она могла повернуть истребитель на 180 градусов быстрее, чем могла повернуть голову.

— Ты теперь не человек, — сказала ей Астрид после процедуры. — Ты — оружие. И ты будешь служить Императору до тех пор, пока не умрёшь. Это не просьба. Это приказ.

И Кайя приняла его. Она приняла его, потому что впервые в своей жизни она почувствовала себя частью чего-то большего, чем она сама. Она стала Валькирией. Она нашла сестёр.

Сорок кандидаток прошли отбор. Десять выжили. Из них Кайя была самой младшей, и они звали её «Птенцом». Но она быстро училась. Через год она была лучшим пилотом в отряде. Через два — лучшим тактиком. На третьем году Астрид погибла в бою, и Кайя стала командиром, хотя ей было всего девятнадцать.

Она помнила ту битву, когда Астрид умерла. Рой напал на конвой с колонистами, и Валькирии прикрывали отступление. Астрид вела истребитель в центре строя, но одна из маток жуков выпустила био-плазменный заряд, и он попал прямо в кабину. Кайя видела, как истребитель Астрид превращается в облако газа — и как её собственный интерфейс на секунду содрогнулся, будто часть её души умерла вместе с командиром.

Она не плакала тогда. Она была капитаном, а капитаны не плачут. Но ночью, в своей каюте, она смотрела на пустую койку своей соседки — ещё одной Валькирии, погибшей в том же бою, — и чувствовала, как внутри образуется пустота. Они были не просто солдатами. Они были семьёй. И семья умирала одна за другой.

Кайя подошла к стене и взяла жетон — тот самый, что висел в её каюте на «Гневе». Воспоминание было таким реальным, что она почти ощутила его вес в руке, холод металла, который грелся от её пальцев. На жетоне была выгравирована надпись на древнем императорском наречии: «Не падай — лети». И подпись: «А.». Астрид.

— Прости, — прошептала Кайя в тишине каюты. — Я пыталась лететь. Я всегда пыталась.

Но сейчас она не могла лететь. Она стояла на полу, босая, в одном белье, и чувствовала себя маленькой, как тогда, на полигоне под дождём. Она была одна. Император, которому она поклялась в верности, остался в другой вселенной. Сёстры, с которыми она делила кров, пот и смерть, лежали в безымянных могилах, разбросанных по сотням секторов. А те пять, что остались, сейчас были внизу, в отсеках, и они смотрели на неё, как на последнюю надежду. Как на мать.

Кайя прижала ладонь к груди, к тому месту, где под кожей билось её сердце. Оно билось ровно, как часы. Но внутри, за рёбрами, была пустота, которую она не могла заполнить ни боем, ни победой, ни приказами. Пустота, которая росла с каждым годом, с каждой смертью, с каждым разом, когда она смотрела в зеркало и не узнавала себя.

Она подошла к душевой кабинке, встроенной в стену, и включила воду. Горячая, почти обжигающая. Она наклонила голову, позволяя струям бить по затылку, по той области, где под кожей пульсировал нейроинтерфейс. Вода стекала по плечам, по спине, смывая пот, усталость, маску. Кайя стояла так несколько минут, не двигаясь, просто чувствуя тепло.

Но оно не согревало её. Ничто не согревало её последние шесть лет.

Она закрыла глаза, и в голове замелькали образы. Её первая миссия с Астрид. Как они кружились в пустоте, истребители вальсировали вокруг вражеского дредноута, и Астрид кричала в комлинк: «Не бойся, Птенец! Ты рождена для этого!». Её первая победа — линкор Хаоса, который она прошила насквозь ракетным залпом, и рев экипажа, который слышала через каналы связи. Её первый бой с Роем — как она видела, как жуки пожирают истребитель её подруги, а она не могла ничего сделать, потому что её задача была увести матку.

Она не плакала тогда. Не плакала, когда хоронила Астрид. Не плакала, когда пришло известие о гибели ещё двух её сестёр в секторе Ветран. Не плакала, когда Император прислал ей медаль за доблесть и написал личное письмо, в котором благодарил за «беззаветную службу». Она сожгла это письмо, не прочитав до конца.

А сейчас она стояла под водой и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое, влажное, чего она не позволяла себе годами. Она не могла заплакать. Она не имела права. Валькирии не плачут. Это было написано в уставе, высечено в традициях, впаяно в нейроинтерфейс. Если она заплачет — она сломается. А если она сломается — кто поведёт корабль? Кто даст команду? Кто найдёт дорогу домой?

Она выключила воду. Стояла мокрая, дрожащая, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Прекрати, — сказала она себе вслух. — Ты — капитан. Ты — Валькирия. Ты выжила. Выживут и они. Ты сделаешь это.

Она вышла из душа, завернулась в тонкое полотенце и подошла к зеркалу. Теперь она смотрела на себя по-другому. Да, в глазах была усталость. Но в них была и сталь. Сталь, которую она не могла потерять, потому что она была единственным, что у неё осталось.

Кайя провела ладонью по влажным волосам, убирая их с лица. Она достала из шкафа чистую форму, надела её — медленно, методично, как делала каждый день. Сначала термобельё, затем брюки, затем лёгкая куртка с нашивками капитана. Жетон Валькирии она пристегнула к воротнику.

Она посмотрела на своё отражение — на женщину, которая держала спину прямо, даже когда внутри всё разваливалось. На женщину, которая обещала себе, что никогда не покажет слабость, потому что её команда не должна видеть человека — они должны видеть бога.

— Ты не одна, — прошептала она, глядя на жетон, и в этом шепоте слышалась отчаянная мольба. — Ты никогда не была одна. Астрид, Сера, Алиса... вы со мной. Вы — мои крылья. Даже когда я их не чувствую.

Она закрыла глаза и представила их. Тени, которые никогда не покидали её. Сестёр, которые смотрели на неё с той стороны, где не было боли. Они улыбались. Они верили в неё.

Кайя открыла глаза и взяла со стола планшет с тактической картой системы. Она должна была изучить ресурсы, проверить расчёты, подготовить план разведки. Через четыре часа она вернётся в рубку, и команда будет ждать от неё решений. Она даст им эти решения, даже если они приведут к гибели. Это была её работа. Её бремя. Её крест.

Она села за стол, включила терминал, и на экране заплескали созвездия чужой галактики. Шепот из пустоты всё ещё пульсировал в записях связиста, и Кайя включила его — просто чтобы слышать этот странный, притягательный звук. Он напоминал ей голос Астрид, когда та учила её управлять истребителем. Напоминал о том, что даже в самой тёмной пустоте есть что-то, что стоит искать.

Она работала. Строила планы. И когда через три с половиной часа раздался вызов из рубки, она ответила спокойным, ровным голосом:

— Сольвейг на связи.

Никто никогда не узнал, что полчаса назад она стояла под горячим душем и боролась с желанием раствориться в струях воды, чтобы не быть капитаном, не быть Валькирией, не быть ничем — просто исчезнуть. Никто не увидит её слёз, потому что слёз не было. Она не позволила им быть.

Но шёпот из космоса, казалось, стал чуть громче. И в нём, на самой грани слышимости, Кайе почудилось слово. Одно слово, сказанное на языке, который она не знала, но почему-то понимала.

— Найди, — прошептал голос, или эхо, или её собственное воображение.

Кайя замерла, прислушиваясь. Но шёпот стих, растворившись в фоновом шуме сканеров. Она выдохнула и вернулась к картам. Но внутри неё впервые за долгие годы шевельнулось что-то, похожее на надежду.

Если есть голос, есть кто-то, кто говорит. Если есть кто-то, есть ответ. А если есть ответ — есть путь.

Она не знала, будет ли этот путь домой. Но она знала, что пойдёт по нему. Потому что она — Валькирия. И Валькирии не падают. Они летят, даже когда у них нет крыльев.

Глава 4. Голос крови

Ровно через четыре часа, с точностью до секунды, Кайя Сольвейг вернулась в рубку. Она прошла через герметичные двери так же бесшумно, как и покинула их, но теперь в её походке чувствовалась собранность — та самая сталь, которую она выковала за время, проведённое в одиночестве. Форма сидела на ней безупречно, волосы были зачёсаны назад, открывая чистую линию нейроинтерфейса на виске. Единственное, что выдавало недавнюю внутреннюю бурю, — лёгкая припухлость под глазами, заметная только тому, кто знал, куда смотреть. Но в рубке никто не смотрел на лицо капитана с таким пристрастием. Они смотрели на её руки, на её осанку, на её взгляд — и выдыхали с облегчением. Капитан была в порядке. Капитан вела их.

Эрик Ванн встретил её у входа.

— Капитан, — сказал он, и в его голосе звучало облегчение, смешанное с беспокойством. — Мы закончили первичную диагностику всех систем. У нас есть данные, которые тебе нужно услышать. Все офицеры собраны в конференц-зале.

Кайя кивнула, не останавливаясь.

— Я иду. Вызови главного инженера и навигатора. И связиста. Если нужны ещё специалисты — пусть ждут у входа.

Она вошла в конференц-зал — небольшое помещение с овальным столом из тёмного полимера, где уже сидели старшие офицеры. Киран, бледный и напряжённый, сжимал планшет так, что костяшки побелели. Дженна Рей выглядела встревоженной, её рыжие волосы были собраны в небрежный пучок. Рядом с ней сидел человек, которого Кайя видела редко, — главный инженер-биолог, лейтенант Карел Дорн. Он был худощавым мужчиной лет сорока, с пронзительными глазами навыкате и длинными пальцами, которые постоянно что-то теребили — сейчас он крутил стилус между пальцами с механической, почти навязчивой лёгкостью. Дорн был учёным, приписанным к крейсеру для изучения биологических угроз Роя, но с тех пор, как Рой исчез, его знания стали чем-то вроде экзотического груза — полезного, но не востребованного.

Кайя села во главе стола и обвела всех взглядом.

— Докладывайте, — коротко приказала она.

Первым заговорил Киран, поднимаясь из-за стола и разворачивая голографическую карту системы.

— Капитан, мы завершили пассивное сканирование сектора в радиусе пяти световых лет. Обнаружено семнадцать планет, три из которых находятся в обитаемой зоне местной звезды. Вот она, — он указал на жёлтую точку в центре, — спектральный класс G2, почти идентичен нашему Солнцу. Это не главная последовательность, но стабильная звезда среднего возраста. Две планеты каменистые, одна — с признаками атмосферы, содержащей кислород и азот в пропорции, близкой к земной. Есть вода. Жидкая вода, капитан.

Он замолчал, давая информации осесть. Кайя слушала, не перебивая, но её пальцы на столе слегка постукивали — признак нетерпения, который она не могла полностью подавить.

— Третья планета, — продолжил Киран, — находится на расстоянии ста двадцати миллионов километров от звезды. Спектральный анализ показывает наличие хлорофиллоподобных соединений в атмосфере. Возможна растительность. Возможна жизнь.

— Возможна, — повторила Кайя ровным голосом. — Значит, мы не знаем наверняка.

— Нет, не знаем, — согласился Киран. — Но это лучший кандидат для разведки, который у нас есть. Мы можем отправить зонд, или — если потребуются — посадочный модуль.

Кайя перевела взгляд на Эрика Ванна, который сидел справа от неё, сложив руки на столе.

— Старпом, ты согласен с этой оценкой?

Эрик помедлил мгновение, а затем кивнул.

— Да, капитан. Это логичный шаг. Мы не знаем, где мы, но мы знаем, что у нас ограниченные ресурсы. Если мы будем просто ждать и искать аномалию, которая, возможно, уже схлопнулась, мы рискуем остаться без топлива, без еды, без воды.

— Мы не рискуем, — оборвала его Кайя. — Мы — имперский крейсер, и у нас есть запасы на полгода при стандартном режиме. За это время мы должны найти путь домой.

Она сказала это так, будто это было очевидно, но в её голосе прорезалась сталь — та самая, которую команда привыкла слышать в бою. Однако Эрик не отступил.

— Капитан, полгода — это если мы будем на минимальном энергопотреблении, без манёвров, без сканирования. Но нам нужно сканировать, нам нужно двигаться, нам нужно искать. Это сокращает срок до трёх-четырёх месяцев. И если мы не найдём аномалию за это время — мы останемся без топлива в пустоте. Мы умрём медленно и мучительно.

Он не сказал этого с вызовом. Он сказал это с усталой заботой, как человек, который уже видел, как умирают корабли в пустоте, и не хотел видеть это снова. Но для Кайи эти слова прозвучали как предательство.

Она резко встала, опираясь ладонями о поверхность стола, и её голос прогремел по всему залу:

— Мы солдаты, а не колонисты! Мы не ищем себе новое гнездо, мы ищем путь назад, к нашему Императору, к нашему флоту, к нашей войне! Рой там! Он всё ещё уничтожает наши миры! И если мы останемся здесь, если мы бросим их — мы станем дезертирами!

Она перевела дыхание, чувствуя, как кровь стучит в висках. Все за столом замерли. Даже Дженна перестала дышать.

— Я понимаю, — продолжила Кайя, уже тише, но не мягче, — что вы напуганы. Я понимаю, что неизвестность пугает. Но я не позволю вам превратить этот корабль в фермерскую колонию. Мы вернёмся. Мы найдём аномалию. И мы будем ждать приказа, потому что приказ есть приказ. Я — капитан. И я приказываю: продолжать поиск гравитационных возмущений. Никаких посадок. Никаких колоний. Мы ищем путь домой.

Она села, и наступила гнетущая тишина. Офицеры переглядывались, но никто не осмеливался возражать. Однако Кайя заметила, как Дорн — инженер-биолог — шевельнулся на своём месте. Его глаза, светлые, почти прозрачные, были устремлены на неё с выражением, которое она не могла прочесть.

— Лейтенант Дорн, — сказала она резко. — У вас есть что добавить?

Дорн откашлялся и осторожно положил стилус на стол.

— Капитан, я не оспариваю ваш приказ. Но как инженер-биолог, я должен доложить, что наше положение сложнее, чем кажется. Я провёл полную инвентаризацию ресурсов. Топливо — да, хватит на четыре-пять месяцев активного режима. Но есть другая проблема, о которой, возможно, офицеры не упомянули.

— Какая проблема? — Кайя прищурилась.

— Вода, — сказал Дорн просто. — Наши запасы воды — регенерируемые, но система регенерации вышла из строя на двадцать процентов из-за повреждений, которые мы получили при проходе через аномалию. Я могу починить её, но мне нужны ресурсы — редкоземельные элементы, которых у нас нет на борту. Без них мы сможем регенерировать воду в течение ещё трёх месяцев. После этого запасы станут критическими.

Кайя замерла. Она не ожидала этого. Топливо — да, она знала о топливе. Но вода? Она могла выжить без многих вещей, но не без воды.

— Почему я не знала об этом раньше? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Потому что ремонт требовал времени, капитан, — ответил Дорн, — и я не хотел тревожить вас, пока не проверил все варианты. К сожалению, вариантов нет. Нам нужны ресурсы. И единственный источник ресурсов в этом секторе — это планеты. В том числе та, которую

нашёл лейтенант Киран. Там есть вода, есть атмосфера, есть, возможно, минералы. Если мы не пополним запасы, мы умрём от жажды, даже если у нас будет топливо.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Кайя чувствовала на себе взгляды всех офицеров. Она видела, как Киран сжимает планшет, как Дженна опускает глаза, как Эрик молча ждёт. Они не хотели бунтовать. Они хотели, чтобы она приняла решение, которое спасло бы их жизни. Но она не могла. Она не могла просто так отказаться от Императора, от присяги, от всего, что делало её той, кем она была.

— Значит, — сказала она медленно, — вы хотите сказать мне, что выбора нет. Мы должны лететь к этой планете.

— Я не говорю, что выбора нет, — вмешался Эрик. — Я говорю, что у нас есть выбор: либо мы летим к планете и пополняем запасы, а затем продолжаем поиски с большей уверенностью, либо мы рискуем умереть от жажды через три месяца, так и не найдя аномалию. Планета не станет нашей колонией, капитан. Она станет нашей заправочной станцией. Мы возьмём воду, возможно, полезные ископаемые, и уйдём. Никто не говорит, что мы остаёмся навсегда.

Кайя посмотрела на него с подозрением. Слова Эрика звучали разумно, но она чувствовала, что за ними стояло что-то ещё — желание, чтобы она сдалась, чтобы она признала, что дома больше нет.

— Ты говоришь это уже второй раз, Эрик, — сказала она ледяным тоном. — «Мы не вернёмся». Ты уже пытался убедить меня в этом. Но я не сдамся. Я не позволю этому кораблю стать кучкой бродяг, которые забыли, кто они такие.

Эрик вздохнул, но не отвёл взгляда.

— Кайя, — сказал он тихо, используя её имя без звания, что было знаком крайней близости, — я не хочу тебя ломать. Я хочу, чтобы ты поняла: мы не бросаем Императора. Мы выживаем, чтобы однажды найти путь к нему. Но для этого мы должны быть живы. А для этого нам нужна вода. Планета — это не предательство. Это тактика.

Она сжала челюсть так сильно, что зубы закрипели. Внутри неё боролись две силы: железная воля Валькирии, которая требовала верности до последнего вздоха, и голос разума, который шептал, что Эрик прав. Но она не могла признать это. Если она признает, что они застряли — она потеряет себя. Она потеряет ту часть души, которая всё ещё надеялась увидеть Императора, услышать его голос, получить его приказ.

— Мы не летим к планете, — сказала она, и её голос прозвучал глухо, как удар колокола. — Мы будем искать аномалию ещё три дня. Если за это время мы ничего не найдём — я рассмотрю вариант с посадкой. Но только как временную меру. Это понятно?

Офицеры закивали. Эрик ничего не сказал, но в его глазах мелькнула искра — не победы, а облегчения. Он получил не всё, что хотел, но он получил возможность.

Кайя поднялась из-за стола.

— Совещание окончено. Киран, продолжай сканирование. Дорн, будь готов к ремонту системы регенерации, если мы всё же решим сесть. И — ещё одно.

Она обвела всех взглядом.

— Если я услышу ещё хоть один разговор о том, что мы должны «построить новый дом», я лично спущу виновного в шлюзовую камеру. Мы — имперский крейсер. Мы подчиняемся приказам. А приказ — вернуться. Всем ясно?

— Так точно, капитан, — ответили хором, но в голосах не было былой твёрдости.

Кайя вышла из конференц-зала, и дверь закрылась за ней с шипением. Она шла по коридору, чувствуя, как подошвы сапог гулко отбивают шаги по металлическому полу. За спиной остались офицеры, которые начали шептаться, как только она скрылась из виду. Она знала это. Она знала, что её приказ был непопулярным. Но она была капитаном, а не королевой красоты.

Она остановилась у иллюминатора, выходящего на кормовую часть корабля. За толстым стеклом тянулась бесконечная тьма, усеянная чужими зелёными и фиолетовыми звёздами. И

где-то там, в этой тьме, была планета с водой, с воздухом, с возможной жизнью. Кайя смотрела на неё — на маленькую точку, которую Киран отметил на карте, — и внутри неё шевельнулось что-то, что она не хотела признавать.

Мы можем сесть. Мы можем взять воду. Мы можем построить что-то новое.

Она тряхнула головой, отгоняя эту мысль. Но она вернулась, как навязчивый шёпот, похожий на тот, что слышала Дженна.

— Я не сдамся, — прошептала Кайя, глядя на чужую звезду. — Я не имею права сдаваться.

Но в глубине души, там, где жила маленькая шестнадцатилетняя девочка, бежавшая под дождём на Терра-Нове, зарождался страх. Не страх смерти — она не боялась умереть. А страх, что она может оказаться неправа. Что её упрямство убьёт команду. Что Император уже мёртв, и она цепляется за тень.

Она прижалась лбом к холодному стеклу иллюминатора и закрыла глаза.

— Астрид, — прошептала она, обращаясь к призрак в своей памяти. — Что бы ты сделала? Ты бы летела домой или выбрала новую жизнь?

Но голос Астрид молчал. Осталась только пустота. И где-то в этой пустоте, на самой границе слышимости, снова зазвучал тот странный сигнал — шепот, который, казалось, проникал прямо в её мозг, минуя динамики.

— Найди, — шептал голос, или эхо, или её собственное подсознание. — Найди нас.

Кайя открыла глаза и посмотрела на планету. Может быть, ответ был там. Может быть, эта зелёная точка была не просто источником воды, а чем-то большим. Но она ещё не была готова это признать. Не сегодня.

Она отошла от иллюминатора и направилась к мостику. Три дня, сказала она. Через три дня она примет решение. А пока — она будет искать. Искать путь домой, даже если этот путь вёл в никуда.

Позади неё, в конференц-зале, офицеры продолжали шептаться. И в этих шепотах всё чаще звучало одно слово: «Колонизация». Но Кайя не слышала их. Или не хотела слышать. Потому что если бы она услышала, ей пришлось бы признать, что они правы. А она не была готова к этому. Пока ещё нет.

Глава 5. Психологическая война

Три дня. Кайя дала себе и команде три дня на поиски аномалии, но прошло всего тридцать шесть часов, а «Гнев Валькирии» уже напоминал бочку с порохом, к которой кто-то неосторожно поднёс спичку. Напряжение росло с каждым часом, и Кайя чувствовала его кожей — в приглушённых разговорах, которые мгновенно смолкали, когда она входила в отсек, в косых взглядах младших офицеров, в том, как механики, прежде всегда приветствовавшие её бодрим «Так точно, капитан!», теперь только бурчали что-то себе под нос и отворачивались.

Она знала, что это не просто недовольство. Это был страх. Страх, подпитываемый неизвестностью, ограниченными ресурсами и её собственной несгибаемой, как сталь, волей, которая требовала от них верности мёртвому Императору в мёртвой вселенной. Она видела это в глазах Эрика, который стал избегать её взгляда. Она видела это в дрожащих пальцах Дженны, когда та обрабатывала загадочный сигнал. Но больше всего она видела это в лицах механиков из инженерного отсека — людей, которые держали корабль на плаву, но которые всё чаще собирались кружками в углах и шептались так, что их голоса эхом разносились по вентиляционным шахтам.

Этой ночью, когда Кайя совершала свой обычный обход перед сменой, она услышала их. Войдя в коридор, ведущий к главному реакторному залу, она остановилась у поворота и прислушалась. Голоса доносились из-за массивной двери, которая вела в инженерную мастерскую — туда, где механики обычно чинили инструменты и обсуждали свои дела.

— ...Я тебе говорю, эта система жрёт двадцать процентов всей нашей энергии, — голос был хриплым, с характерным надрывом старого механика, который уже не раз видел, как корабли разваливаются на части. — Мы могли бы пустить её на гидропонику. У нас растения вянут, потому что освещение работает в полсилы. А эта чёртова система «верности» гоняет резервные контуры, потому что мы должны быть «преданы» кому-то, кто даже не знает, что мы живы.

— Тише, Гаррет, — ответил другой голос, помоложе и более осторожный. — Капитан может услышать.

— Пусть слышит, — рявкнул первый, которого, как поняла Кайя, звали Гаррет — главный механик смены, пожилой мужчина с сединой на висках и шрамами на руках от работы с плазмой. — Я служил на двенадцати кораблях, парень. Я знаю, когда команда идёт ко дну, а капитан продолжает отдавать приказы, которые ведут нас в могилу. Мы не вернёмся. Ты это знаешь, я это знаю, даже старпом знает. А она — нет. Или не хочет знать. И мы все умрём, потому что она не может отключить какую-то долбаную игрушку, которую нам впаяли в мозги, чтобы мы думали, что Император — бог.

Кайя замерла. Её лицо оставалось бесстрастным, но внутри всё сжалось в тугий узел. Она узнала этот голос. Гаррет был ветераном, он служил на флоте сорок лет, и его слово имело вес среди механиков. Если он начал говорить о бунте — значит, ситуация была хуже, чем она думала.

— Даже если мы отключим систему, — продолжал Гаррет, — нам понадобится перераспределить энергию. Я посчитал: если снять блокировку, мы сможем запустить гидропонику на полную мощность и продлить запасы пищи на три недели. Три недели, парень! Это время, чтобы найти планету, осесть, построить базу. А не летать в пустоте, высасывая энергию на поиски того, чего нет.

— Но капитан сказала, что через три дня рассмотрит вариант с посадкой, — неуверенно возразил молодой голос.

— Через три дня! — фыркнул Гаррет. — А что, если через три дня ей придёт в голову, что она хочет лететь ещё три дня? И ещё три? Она вцепилась в этот приказ, как утопающий

в спасательный круг. Но мы не утопаем, парень. Мы задыхаемся в собственном упрямстве. И я не позволю, чтобы мой корабль сдох из-за того, что капитанша не может переступить через свою гордость.

Кайя медленно выдохнула. Она знала, что сейчас должен сделать капитан: войти, поставить бунтовщиков на место, напомнить им об уставе. Но внутри неё кипела ярость — не на Гаррета, а на себя. На то, что она позволила дойти до этого. На то, что она была права, но её правота не спасала их от голодной смерти.

Она толкнула дверь.

— Гаррет, — сказала она спокойно, но так, что голос её разнёсся по всей мастерской, заглушая гул генераторов. — Я слышала всё.

Механики застыли. Гаррет обернулся — грузный мужчина с массивными плечами и тяжёлыми руками, которые держали гаечный ключ с такой лёгкостью, с какой другие держат карандаш. Он не испугался. Он посмотрел на неё с вызовом, и в его глазах было то, что Кайя видела редко у подчинённых: готовность стоять до конца.

— Капитан, — сказал он, с вызовом выделяя это слово. — Я не ожидал вас услышать.

— Очевидно, — ответила она, входя в мастерскую и закрывая за собой дверь. Несколько механиков попятнулись, но Гаррет остался на месте. — Ты говорил о моём упрямстве. Ты говорил о том, что я веду корабль к гибели. Ты предлагаешь отключить систему «верности», которая держит нас в рамках имперского устава, и вместо этого вложить энергию в гидропонику. Правильно я понял?

Гаррет выпрямился, положив гаечный ключ на стол.

— Правильно, капитан. И я повторю это вам в лицо. Эта система — пережиток прошлого. Она нужна была в Империи, чтобы мы не сомневались в приказах Адмиралтейства. Но Адмиралтейства нет. Империи нет. Мы здесь одни, и если мы не начнём думать о выживании, мы умрём. Я видел, как умирают корабли, капитан. От них остаются только призраки в пустоте. Я не хочу, чтобы «Гнев Валькирии» стал одним из них.

Кайя подошла к нему вплотную. Ей нужно было поднять голову, чтобы смотреть ему в глаза, но она не отвела взгляда. Её руки были спокойно опущены вдоль тела, но каждый мускул был напряжён.

— Ты говоришь, что я упряма, — сказала она тихо, так, чтобы слышали только они двое, но остальные затаили дыхание, и в мастерской воцарилась мёртвая тишина. — Ты прав. Я упряма. Потому что я — капитан. И моя работа — не угождать вам. Моя работа — вести вас, даже если вы не хотите идти. Ты говоришь, что Империи нет. А я говорю тебе: Империя есть, пока есть те, кто ей верен. Пока есть я. Пока есть каждый из вас.

Гаррет покачал головой.

— Вы живёте в прошлом, капитан. А мы — здесь и сейчас. И здесь, и сейчас мы умираем от жажды. И если вы не разрешите нам отключить эту проклятую систему, я отключу её сам. С вами или без вас.

Последние слова он произнес с вызовом, и в мастерской пронеслось движение — механики неуверенно переглянулись, но никто не решился стать на его сторону открыто. Однако Кайя видела их лица: они ждали, что произойдёт дальше. И она знала: если она отступит, если она проявит слабость — они будут считать, что могут перечить ей. Она не могла позволить себе этого. Ни сегодня, ни когда-либо.

Она сделала шаг назад и сняла куртку, оставшись в одном термобелье, туго облегающем её тренированное тело. Гаррет нахмурился.

— Что вы делаете?

— Ты говоришь, что я слаба, — сказала Кайя, и её голос стал низким, почти звериным. — Ты говоришь, что я веду вас в гибель. Ты ставишь под сомнение мой авторитет. Есть только один способ доказать тебе, что ты ошибаешься.

Она подошла к нему снова, теперь встала так, что их разделяло всего полшага. Она была на голову ниже, но в ней чувствовалась сила, которую не давали её мышцы — она исходила от её осанки, от её взгляда, от той хищной грации, которую Гаррет никогда не видел у женщин, даже самых боевых.

— Ты считаешь себя сильным, Гаррет. Ты старше меня, у тебя больше опыта. Но я — Валькирия. Я прошла имплантацию, которая сломала бы любого из вас. Мне вживили нейроинтерфейс, когда мне было шестнадцать. Я тренировалась по двадцать часов в сутки. Я выдерживала перегрузки в десять «же». Моя кровь насыщена сывороткой, которая делает мои кости прочнее стали, а мои рефлексы — быстрее ваших мыслей. И если ты думаешь, что сможешь приказывать мне, что делать на моём корабле — ты ошибаешься.

Гаррет открыл рот, чтобы ответить, но Кайя не дала ему этого сделать. Она схватила его за руку — быстро, как атакующая змея, — и рванула на себя. Гаррет, весивший не меньше ста двадцати килограммов, пошатнулся и вынужден был шагнуть вперёд, чтобы не упасть. Но Кайя не остановилась: она развернулась, используя его инерцию, и с силой, которую она редко показывала даже в бою, нанесла ему короткий, точный удар в нос.

Хрящ хрустнул, раздался глухой звук, и Гаррет отшатнулся, схватившись за лицо. Кровь хлынула сквозь его пальцы, заливая рубашку. Он зарычал от боли и злости, но Кайя уже стояла в стойке, готовая к продолжению.

— Ты, — прохрипел он сквозь сжатые зубы, — ты сломала мне нос.

— Я сказала, что мои кости прочнее стали, — ответила Кайя, даже не запыхавшись. Её голос был ровным, как поверхность озера в безветренный день. — И мои руки — тоже. Ты хотел силу, Гаррет? Ты получил силу. А теперь — слушай меня, и слушай внимательно.

Она подошла к нему ещё ближе, и Гаррет, несмотря на свой рост и вес, непроизвольно отступил на шаг. Его глаза, полные боли и ярости, встретились с её глазами — серыми, холодными, безжалостными.

— Я не буду отключать систему «верности». Она держит дисциплину. И если я позволю отключить её сегодня, завтра вы захотите отключить другие системы, а послезавтра — перестать подчиняться приказам вообще. Вы перестанете быть командой. Вы станете толпой. И толпа умирает в пустоте быстро, Гаррет. Я видела это. Я не хочу видеть это снова.

Она перевела дыхание и оглядела остальных механиков, которые смотрели на неё с ужасом и восхищением.

— Что касается воды и энергии, — продолжила она, — я дала слово, что через три дня мы рассмотрим посадку. Я не нарушу своего слова. Но если я услышу ещё хоть один разговор о саботаже, о самовольном отключении систем — я спущу виновного в шлюзовую камеру. Не на минуту, а навсегда. Это понятно?

Механики закивали, бледные и напряжённые. Никто не осмелился произнести ни слова.

Кайя повернулась к Гаррету, который всё ещё прижимал ладонь к разбитому носу, вытирая кровь рукавом.

— Ты пойдёшь в лазарет. Медик зашьёт тебе нос. И когда ты вернёшься — ты продолжишь работу. Без вопросов. Без споров. Ты меня понял?

Гаррет молчал несколько секунд, и Кайя видела, как в нём борются гордость и инстинкт выживания. Наконец он кивнул — коротко, резко.

— Понял, капитан.

— Я не расслышала, — сказала Кайя, наклонив голову.

— Так точно, капитан, — сказал он, и в голосе его появилась та привычная, почти рефлекторная бодрость, которая была так знакома уставшему флотскому ветерану.

Кайя отвернулась от него и направилась к двери. На пороге она остановилась и обернулась.

— У нас осталось два дня. Я обещаю, что мы рассмотрим посадку, если аномалия не будет найдена. Но до тех пор — мы ищем. И мы остаёмся имперским крейсером. Это приказ.

Она вышла в коридор, и дверь за ней закрылась. Она шла не спеша, держа спину прямой, но внутри неё всё дрожало от напряжения. Она сжала кулаки, и только тогда почувствовала, как ноют костяшки — удар был настолько сильным, что она повредила себе пальцы. Но она не показывала боли. Она шла, пока не завернула за угол, где её не было видно с камер наблюдения, и тогда она позволила себе выдохнуть — медленно, глубоко, как после долгого погружения на глубину.

Она разжала кулак и посмотрела на свои пальцы. Они уже начали синеть, но крови не было — сыворотка Валькирий делала её кожу плотнее, а капилляры — эластичнее. Она снова сжала руку и снова разжала, проверяя подвижность. Боль была острой, но терпимой. Главное, что кости не сломаны.

Она прислонилась к холодной стене и закрыла глаза.

— Ты справилась, — прошептала она себе. — Ты показала им, кто здесь капитан. Этого достаточно. Пока достаточно.

Но глубоко внутри неё шевелился страх, который она не могла заглушить. Гаррет был прав в одном: система «верности» действительно потребляла энергию, которую можно было использовать более эффективно. И если они не найдут аномалию через два дня, ей придётся либо нарушить своё слово, либо позволить им перераспределить ресурсы. И тогда она потеряет контроль.

Она открыла глаза и посмотрела в конец коридора, где за иллюминатором вращались чужие звёзды.

— Два дня, — сказала она. — Только два дня.

Она выпрямилась и направилась к мостику. Через полчаса она стояла за спиной Дженны, которая расшифровывала сигнал.

— Есть прогресс? — спросила Кайя, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нет, капитан, — ответила Дженна, не поворачивая головы. — Сигнал не меняется. Всё тот же шёпот. Но я заметила кое-что странное.

— Что именно?

— Его интенсивность растёт, когда мы двигаемся в сторону той зелёной планеты. И падает, когда мы удаляемся. Я проверила три раза. Кажется, источник сигнала — или его отражение — связано с этой планетой.

Кайя замерла. Она не хотела верить в совпадения. Но это было слишком явным, чтобы игнорировать.

— Значит, планета важнее, чем я думала, — сказала она медленно. — Не просто источник воды. Возможно, ключ ко всему.

Она повернулась и посмотрела на главный экран, где висела та самая зелёная точка.

— Дженна, продолжай анализ. Я хочу знать, кто или что там нас ждёт.

— Есть, капитан.

Кайя отошла к капитанскому креслу и села, глядя на звёзды. Мысль о планете всё глубже проникала в её сознание, но она отгоняла её. Она дала себе слово — и команде — что она подождёт ещё два дня. А потом — она примет решение.

Но в глубине души она уже знала, каким будет это решение. И это пугало её больше, чем любой бунт.

Глава 6. Первый контакт

На исходе второго дня, когда Кайя уже начала готовиться к неизбежному — признанию того, что аномалия не будет найдена, — лейтенант Киран ворвался в рубку с такой скоростью, что чуть не споткнулся о порог. Его лицо было бледным, но глаза горели возбуждением, которое Кайя редко видела у этого сдержанного, всегда собранного навигатора.

— Капитан! — выпалил он, даже не удосужившись сделать положенное по уставу приветствие. — Сканеры зафиксировали объект. Не аномалию, не планету. Что-то искусственное. Гигантское.

Кайя мгновенно встала с кресла, отбросив планшет с отчётами по ресурсам, который держала в руках.

— Покажи.

Она подошла к главному тактическому экрану, где Киран уже развернул трёхмерную голограмму. В центре, на фоне россыпи чужих зелёных звёзд, висел объект. Сначала Кайя подумала, что это обломок корабля — неправильная, рваная форма, неестественные углы. Но по мере того, как сканеры уточняли изображение, она поняла, что ошибалась. Это был не обломок. Это был лист.

Металлический лист. Огромный, размером с небольшой астероид, но идеально плоский, с геометрически правильными краями, которые не могли образоваться естественным путём. Он парил в пустоте без видимого движения, без вращения, будто был пришпилен к невидимой стене. Поверхность его была матово-серой, без маркировки, без огней, без каких-либо признаков активности.

— Что это? — спросила Кайя, не отрывая взгляда от голограммы.

— Я не знаю, капитан, — ответил Киран, и в его голосе слышалось благоговение. — Он не излучает тепла, не отражает радар, как обычный металл. Мы заметили его только потому, что он закрыл собой фоновое свечение звезды — на долю секунды, когда мы проходили мимо. Если бы мы не развернули сканеры на максимум, мы бы его вообще не заметили.

Кайя повернулась к Эрику Ванну, который стоял позади неё, наблюдая за происходящим с настороженным вниманием.

— Мы можем подойти ближе? — спросила она.

Эрик задумался на мгновение.

— Технически — да. Но я не рекомендую полный контакт без предварительного сканирования. Если это минное поле или ловушка Роя — мы не можем рисковать кораблём.

— Рой не оставляет таких объектов, — возразил Киран. — У них нет технологий производства металла с такой точностью. Это не их работа.

— Мы не знаем, что здесь есть, кроме Роя, — напомнил Эрик, но его голос звучал неуверенно.

Кайя приняла решение быстро, как делала всегда в бою.

— Мы подходим на дистанцию в десять тысяч километров. Запускаем разведывательный зонд. Если зонд не вернётся или зафиксирует опасность — мы уходим. Но я хочу знать, что это такое. Возможно, это первый ключ к нашему возвращению.

Она не сказала, что это мог быть ключ к пониманию того, где они находятся. Она не хотела давать команде ложной надежды. Но в глубине души она чувствовала: этот объект — не случайность. Он был слишком правильным, слишком искусственным, чтобы появиться в пустом секторе просто так.

Приказ был отдан, и «Гнев Валькирии» медленно, с осторожностью корабля, который не знает, что его ждёт впереди, начал маневрирование. Кайя стояла у главного экрана, наблюдая за тем, как объект постепенно увеличивался в размерах. Через двадцать минут они были на

заданной дистанции, и разведывательный зонд — небольшой сферический аппарат с камерами и сенсорами — был выпущен в пустоту.

— Зонд вышел на курс, — доложила Дженна с пульта связи. — Связь стабильная. Передаю изображение на главный экран.

На экране появилась картинка с камер зонда. Лист металла теперь был виден во всех деталях: он был огромен — примерно пять километров в длину и два в ширину, но толщина его была не больше метра. Края были идеально ровными, будто отрезанными лазером. Поверхность, которую сначала казалась матово-серой, при ближайшем рассмотрении оказалась покрытой микроскопическими узорами — не гравировкой, а скорее текстурой, похожей на отпечатки пальцев, но геометрически правильной.

— Датчики показывают, что поверхность не отражает радиоволны, — сказал Киран. — Она поглощает их. Как чёрное тело. Но она не нагревается. Это не просто металл, капитан. Это композит, которого нет в нашей базе данных.

Кайя нахмурилась.

— Зонд может сесть на поверхность?

— Технически — да. Но я не знаю, что произойдёт при контакте.

— Сажай.

Зонд медленно снизился. Его маневровые двигатели выпустили короткие струи газа, и он коснулся поверхности листа. Контакт произошёл без звука, без искр, без отдачи. Секунду ничего не происходило. Затем — внезапно, без предупреждения — поверхность листа вокруг зонда начала меняться. Она стала прозрачной, как стекло, и в глубине, под слоем металла, загорелись огни. Тысячи, десятки тысяч микроскопических точек, которые пульсировали в строгом ритме, как нейроны в мозгу.

— Что за... — выдохнул Киран.

— Это не зонд активировал его, — сказала Дженна, вглядываясь в свои приборы. — Объект сам ожил. Он, кажется, почувствовал наш зонд и отреагировал.

Кайя подалась вперёд, не сводя глаз с экрана. Огни под поверхностью слились в узор, который начал подниматься, проступая сквозь металл, словно чернила сквозь промокательную бумагу. Через несколько секунд над поверхностью листа сформировалась голограмма — огромная, яркая, объёмная. Она была такой чёткой, что казалась физической.

На голограмме появилось изображение. Не людей, не животных — скорее, структура, похожая на сплетение ветвей дерева или нейронную сеть. Она пульсировала, переливаясь голубым и фиолетовым светом, и вокруг неё вращались символы, которых Кайя никогда не видела. Они не были похожи ни на один из известных языков Империи.

— Анализ символов, — приказала она. — Сравни с базой ксенолингвистики.

— Сравнение не дало результатов, — ответил компьютер синтезированным голосом. — Символы не соответствуют ни одному из девяти тысяч известных языков.

— Но голограмма, — сказал Киран, — она передаёт информацию. Я вижу карту. Это карта, капитан.

Он был прав. На голограмме, помимо древообразной структуры и символов, появилась трёхмерная сетка — звёздная карта, но не такая, к которой они привыкли. Она была организована не по спиральным рукавам и галактическим кластерам, а по принципу концентрации света. Свет был распределён неравномерно: в центре было огромное светлое пятно, а вокруг него — кольца, будто кто-то бросил камень в воду и заморозил круги навечно.

— Это не наша галактика, — сказала Дженна, и голос её дрогнул. — Это та галактика, в которой мы сейчас находимся.

Кайя подошла ближе к экрану. Она видела, как на карте появилась маленькая мигающая точка — вероятно, их текущее местоположение, определяемое зондом. Она была на одном из внешних колец, почти на краю огромной светящейся структуры.

— Что это за кольца? — спросила она.

Вместо ответа голограмма изменилась. Древообразная структура исчезла, и на её месте появились слова. Не символы — слова, написанные на имперском языке. Они появлялись медленно, как будто система переводила их прямо сейчас, считывая мысли Кайи.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАПОВЕДНИК»

Кайя замерла. В рубке повисла такая тишина, что она слышала, как бьётся сердце Дженны на два пульса дальше от неё.

— Заповедник? — прошептал Киран. — Что значит «Заповедник»?

Голограмма продолжила формировать текст.

«ВЫ НАХОДИТЕСЬ В ОБЛАСТИ, ЗАЩИЩЁННОЙ КОДЕКСОМ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ. ЛЮБАЯ АГРЕССИЯ, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ. ЭТА ГАЛАКТИКА — ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЖИЗНИ В ЕСТЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ. ВАШ КОРАБЛЬ ОБНАРУЖЕН. ВАШЕ ОРУЖИЕ ЗАФИКСИРОВАНО. ВАШИ НАМЕРЕНИЯ АНАЛИЗИРУЮТСЯ. ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ. НАБЛЮДАТЕЛИ СВЯЖУТСЯ С ВАМИ»

Кайя смотрела на эти слова, и внутри неё поднималась волна холодного гнева. Заповедник? Наблюдатели? Она не привыкла, чтобы кто-то указывал ей, что делать. Но она также понимала, что они не в своём мире, и здесь действуют другие правила.

— Капитан, — сказал Эрик, подходя к ней, — нам нужно уходить. Если здесь есть цивилизация, способная создавать такие объекты, и если она объявила эту галактику «заповедником», мы можем оказаться в опасности. Нас могут уничтожить, как вредителей.

— Нет, — сказала Кайя, и голос её был твёрже, чем она ожидала. — Мы не уходим. Мы ждём. Если Наблюдатели хотят связаться с нами — пусть связываются. Может быть, у них есть ответы.

— Но, капитан, — вмешался Киран, — мы не знаем, что они собой представляют. Что, если это ловушка?

— Если бы это была ловушка, — ответила Кайя, не отрывая взгляда от голограммы, — мы бы уже были мертвы. Этот объект активировался, как только наш зонд коснулся его. Он знает, где мы, что мы — военные, что у нас есть оружие. Если бы они хотели убить нас, они бы не стали тратить время на голографическое сообщение.

Она была права, и все это понимали. Но страх не уходил. Команда смотрела на экран, где на голограмме продолжала разворачиваться карта «Заповедника». Теперь на ней появились маркеры — другие объекты, похожие на тот, рядом с которым они находились. Их было сотни, тысячи, разбросанных по всей галактике, словно маяки, или, точнее, словно камеры наблюдения.

— Это сеть, — сказал Киран, указывая на точки. — Они следят за всей галактикой. Вся эта структура — это система наблюдения. Они видят всё, что происходит.

— И они видят нас, — добавила Дженна. — Мы не можем спрятаться.

Кайя сжала кулаки. Она ненавидела быть в положении того, кого наблюдают, того, кто не контролирует ситуацию. Но она также понимала, что у неё нет выбора. Они были одни в чужой вселенной, и единственным источником информации был этот странный лист металла, который говорил с ними.

— Мы ждём, — повторила она. — Всем сохранять спокойствие. Держать оружие в режиме ожидания, но не наводить на объект. Я не хочу, чтобы они воспринимали это как угрозу.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. Голограмма оставалась статичной, но затем, когда Кайя уже начала думать, что контакт прерван, она изменилась. Древообразная структура снова появилась, и из её центра полился свет — мягкий, тёплый, как солнечный закат на родной планете Кайи, которую она не видела уже много лет.

И в этом свете проявилась фигура. Человеческая фигура. Женщина, или, по крайней мере, существо, которое выглядело как женщина, с длинными серебристыми волосами и глазами, которые светились изнутри, как два маленьких солнца. Она не двигалась, но улыбалась — доброй, понимающей улыбкой, которая заставила Кайю почувствовать себя маленькой девочкой на уроке астронавигации.

Голос зазвучал в голове Кайи — не через динамики, не через комлинк, а прямо внутри черепа, как будто кто-то говорил через нейроинтерфейс.

«Ты — та, кто ведёт. Мы наблюдали за тобой с момента твоего появления. Ты сильна, но твоя сила основана на страхе. Страхе потерять то, чего уже нет. Мы — Наблюдатели. Эта галактика — наш сад. Мы не вмешиваемся в естественное развитие жизни, но мы защищаем его от внешних угроз. Твой корабль — внешняя угроза. Твоё оружие — угроза. Но твой разум — это возможность. Мы предлагаем тебе обмен: ты можешь остаться в Заповеднике, если примешь наши условия. Или ты можешь попытаться вернуться туда, откуда пришла, но это путешествие будет долгим и опасным. Выбор за тобой».

Кайя смотрела на серебристую фигуру и чувствовала, как в груди борется ярость и любопытство. Ярость — от того, что кто-то смеет ставить ей условия. Любопытство — от того, что это существо, этот Наблюдатель, знает о ней больше, чем она сама.

— Кто вы? — спросила она вслух, хотя знала, что её не услышат через динамики. Но фигура повернула голову, будто уловив вопрос, и ответила, снова внутри её сознания:

«Мы — те, кто был вами. Мы — те, кто стали больше. Мы не враги. Мы — только зеркало. Иди по пути, который выбрала. Мы будем ждать».

Голограмма погасла. Лист металла снова стал серым и матовым, непроницаемым. Зонд, который всё ещё сидел на его поверхности, потерял сигнал, и Дженна закричала, что связь оборвалась.

Кайя стояла неподвижно, глядя на пустой экран. Внутри неё бушевала буря, которую она с трудом сдерживала. Наблюдатели. Заповедник. Условия. Всё это было слишком большим, чтобы осмыслить за одну минуту.

— Капитан, — сказал Эрик, подходя к ней, — мы должны принять решение. Что мы делаем?

Кайя медленно повернулась к нему. Её глаза были холодны, как космос за бортом, но в них горел огонь, который Эрик видел только в самые тяжёлые моменты боёв.

— Мы не принимаем решений, — сказала она. — Мы собираем информацию. Нам нужно узнать больше об этом «Заповеднике». О Наблюдателях. О том, что здесь происходит. Мы не останемся, и мы не уйдём. Мы будем искать путь домой. Но теперь у нас есть цель: понять, что это за место, и использовать его, чтобы вернуться.

— Но капитан, — вмешался Киран, — если они такие могущественные, как они сказали, они могут не позволить нам вернуться.

— Тогда мы найдём способ, как убедить их, — ответила Кайя. — Или как обойти их правила. Мы — имперский крейсер. Мы не подчиняемся никому, кроме Императора. И если эти Наблюдатели думают, что они могут запереть нас в клетке, они глубоко ошибаются.

Она отошла от экрана и подошла к капитанскому креслу, но не села — она стояла, опершись на спинку, и смотрела на звёзды за иллюминатором.

— Мы не будем спешить. Но мы не будем и ждать. Киран, составь план разведки этого объекта. Эрик, подготовь команду к возможному контакту. Дженна, продолжай записывать сигнал — возможно, Наблюдатели снова выйдут на связь. А я... я подумаю, что мы сделаем с этим «обменом».

Она замолчала, и в рубке воцарилась деловая суeta. Офицеры разошлись по своим местам, выполняя приказы. Но Кайя стояла и думала. О том, что Наблюдатели сказали: «Ты —

та, кто ведёт». О том, что они видели её с момента появления. О том, что они не вмешивались, пока она не подошла к ним. Она не знала, что они задумали, но одно было ясно: эта вселенная не была пустой. Она была полна тайн. И Кайя была полна решимости разгадать их, даже если для этого придётся нарушить все правила Заповедника.

Она повернулась к главному экрану, где теперь снова висела карта «Заповедника» с его бесчисленными маяками-наблюдателями. Где-то там, в этой необъятной сети, был путь домой. И она найдёт его. Даже если это будет стоить ей всего, что у неё есть.

Глава 7. Искуситель

Ночь на «Гневе Валькирии» не отличалась от дня. В космосе не существовало привычного цикла сна и бодрствования — только смены вахт, искусственное освещение, которое тускло на четыре часа, чтобы имитировать темноту, и постоянный гул вентиляции, пронизывающий каждый отсек. Но Кайя давно перестала ориентироваться на время. Она жила по ритму корабля: приказы, доклады, совещания, обходы, и снова приказы. Спала она урывками, по два-три часа, просыпаясь от каждого шороха, от каждого изменения в гуле двигателей.

После контакта с Наблюдателями прошло уже шесть часов. Кайя провела их в рубке, не отходя от пультов, наблюдая за тем, как офицеры обрабатывают данные, строят гипотезы, спорят о значении слов «Заповедник» и «Наблюдатели». Она почти не вмешивалась, только слушала, впитывая информацию, как губка. Но к концу второй вахты, когда обсуждения стали заикливаться на одних и тех же аргументах, она поняла, что её присутствие больше не нужно. Они справятся и без неё. И, что ещё важнее, им нужно было увидеть, что она доверяет им — даже когда они сомневались в её решениях.

Она поднялась с кресла, чувствуя, как затекли мышцы спины.

— Я буду в каюте. Дженна, передавай мне все обновления по сигналу в реальном времени. Киран, если что-то изменится на сканерах — сразу вызывай меня. Эрик, ты за старшего до утра.

Старпом кивнул, но в его взгляде мелькнуло что-то — тень, которую Кайя не смогла прочесть. Она не стала заикливаться на этом. Она вышла из рубки, прошла по коридору, затем по лестнице на жилой уровень. Двери каюты открылись перед ней, и она вошла в тихое, стерильное пространство, которое стало для неё единственным убежищем.

Она скинула форменную куртку, повесила её на спинку стула и села за стол. Терминал был включён, и на экране висела та же карта «Заповедника», которую они получили от Наблюдателей. Кайя смотрела на неё, водя пальцем по светящимся линиям, пытаясь найти закономерность. Тысячи маяков — почти как звёзды, но расположенные с математической точностью. Она могла поклясться, что заметила в их расположении какой-то узор, но усталость мешала сосредоточиться.

Она откинулась на спинку стула, закрыла глаза и позволила себе просто дышать. Глубоко, медленно, как учили на тренировках Валькирий, когда надо было успокоить сердцебиение после перегрузок. Вдох — задержка — выдох. Вдох — задержка — выдох. Мысли постепенно утихали, становились тише, расплывались в тёплом тумане усталости. Она уже почти провалилась в сон, как вдруг услышала шум за дверью.

Шаги. Тяжёлые, но осторожные. Кто-то стоял снаружи, не решаясь постучать.

Кайя открыла глаза и прислушалась. Она узнала этот ритм — командирский шаг, который она слышала на мостике сотни раз. Эрик Ванн. Она не удивилась. Он был тем, кто всегда появлялся в самые трудные моменты, тем, кто задавал неудобные вопросы, тем, кто заставлял её смотреть правде в глаза, даже когда она хотела отвернуться.

— Входи, — сказала она, не повышая голоса, но зная, что он услышит через тонкую металлическую перегородку.

Дверь зашипела и открылась. Эрик вошёл, и Кайя сразу заметила, что он был не в форме. На нём была простая серая рубашка с расстёгнутым воротом, и это было странно — он всегда держался уставного вида, даже в нерабочее время. Сейчас он выглядел почти по-домашнему, но в глазах его была такая же твёрдость, как и всегда.

Он закрыл за собой дверь, и Кайя вдруг осознала, что они остались вдвоём в тесном пространстве каюты. Это не было нарушением устава — старпом имел право на приватные разго-

воры с капитаном, — но в этом был какой-то непривычный для них обоих оттенок интимности, который она обычно избегала.

— Эрик, — сказала она, наклоняя голову. — Что-то случилось? Дженна не вызывала.

— Нет, — ответил он, подходя к столу и останавливаясь напротив неё. — С кораблём всё в порядке. Я пришёл поговорить не как старпом. Как тот, кто... кто был с тобой всё это время.

Кайя нахмурилась.

— О чём ты хочешь поговорить?

Эрик помолчал, собираясь с духом. Он сел на край её койки, что было ещё более неформальным жестом — обычно он никогда не садился в каюте капитана без приглашения. Кайя заметила это, но ничего не сказала. Она ждала.

— Кайя, — начал он тихо, почти шёпотом, и от этого обращения без звания у неё кольнуло в груди, — я должен сказать тебе то, что ты не хочешь слышать. Но я не могу больше молчать. Не после того, что мы увидели сегодня. Наблюдатели. Заповедник. Это не просто случайность. Это знак. Знак того, что мы не вернёмся.

Она сжала челюсть, и в глазах её зажглась сталь.

— Мы не знаем этого.

— Мы знаем, — возразил он, и голос его стал твёрже, хотя и оставался тихим. — Я прослужил на флоте тридцать лет. Я видел четыре прыжка через аномалии. Те, что вели обратно, оставляли гравитационный хвост. Мы проверили все данные — хвоста нет. Аномалия схлопнулась. И даже если бы она не схлопнулась, Наблюдатели не позволили бы нам уйти. Ты слышала, что они сказали: «Эта галактика — Заповедник». Мы — чужаки. Они нас не выпустят.

Кайя встала, опираясь руками о стол, и нависла над ним.

— Ты хочешь, чтобы я сдалась, Эрик? Ты хочешь, чтобы я сказала команде: «Всё, мы здесь навсегда, забудьте об Императоре, забудьте о доме, стройте новую жизнь»? Это предательство. Я не могу так поступить.

— Это не предательство, — сказал он, поднимаясь и встречая её взгляд. — Это выживание. Кайя, посмотри на них — на команду. Они напуганы. Они смотрят на тебя, как на бога, как на мать, как на единственную надежду. Но они теряют веру. Гаррет и его люди хотят бунтовать. Другие хотят просто найти планету и осесть. Если ты не дашь им направления — они выберут его сами. И это будет хаос.

Он шагнул к ней, теперь они стояли вплотную, разделённые всего несколькими сантиметрами. Кайя чувствовала его дыхание, слышала, как бьётся его сердце. В этом было что-то слишком личное, слишком близкое, и она хотела отступить, но не могла.

— Ты не просто капитан, — продолжил он, понижая голос до шёпота. — Ты — их королева. Они — твой улей. Я не говорю о тирании. Я говорю о том, что ты должна принять власть, которая у тебя уже есть. Если ты не примешь её, они будут бродить без цели, без лидера, и погибнут. А ты — ты можешь спасти их. Ты можешь сделать их сильнее, чем они были. Ты можешь построить здесь новую Империю, Кайя. Не ту, что осталась позади, а ту, что будет твоей. Твоей собственной.

Она смотрела на него в упор. В его глазах она видела не предательство, не корысть, не амбиции. Она видела что-то другое: страх. Не за себя, а за неё. За команду. Он предлагал ей единственное, что, по его мнению, могло их спасти. И она не могла сказать, что в его словах не было правды.

— Ты говоришь, как предатель, — сказала она, и голос её дрогнул. — Ты хочешь, чтобы я забыла Императора. Ты хочешь, чтобы я забыла присягу.

— Я хочу, чтобы ты была жива, — ответил он, и в голосе его прорезалась такая искренняя, почти отчаянная боль, что Кайя на мгновение потеряла дар речи. — Кайя, Императора больше нет. Не в этой вселенной. Он — память. Ты цепляешься за неё, как за спасательный круг, но она уже не спасёт никого. Спасёмся мы. Только мы. Ты, я, команда. Это наш корабль,

наша вселенная, наша жизнь. И ты — наш капитан. Наша королева. Твоё слово — закон. Прими это. Прими нас.

Она отступила на шаг, разрывая расстояние между ними. Её руки дрожали, и она сжала их в кулаки, чтобы он не увидел.

— Ты не понимаешь, что говоришь, — сказала она холодно, почти резко. — Ты просишь меня отказаться от всего, что я есть. Я — Валькирия. Я дала клятву. Я не могу стать той, кем ты хочешь меня видеть.

— Ты уже стала, — сказал он тихо. — Ты просто не хочешь это признать.

Она подняла руку, указывая ему на дверь.

— Уходи, Эрик. Немедленно.

Он не двинулся.

— Кайя...

— Я сказала — уходи! — рывкнула она, и голос её прорвал гул вентиляции. — Ты забываешься, старпом. Я — твой капитан. Я приказываю тебе покинуть каюту.

Эрик медленно кивнул. В его взгляде не было обиды — только глубокая, бездонная усталость, которая отражала его собственное разочарование. Он повернулся и направился к двери. У порога он остановился, не оборачиваясь, и сказал, почти не слышно:

— Помни, что я сказал, Кайя. Если ты не примешь власть, они умрут. Умрут от голода. От безумия. От того, что у них не будет веры в будущее. Я не хочу, чтобы это случилось. Но я не смогу их спасти. Это можешь сделать только ты.

Дверь за ним закрылась, и тишина обрушилась на Кайю, как тонна холодной воды. Она стояла, глядя на закрытую панель, чувствуя, как пустота внутри неё становится осязаемой.

Она медленно села на койку, прямо на то место, где только что сидел Эрик. Она провела ладонью по одеялу, будто пытаясь ощутить его тепло, но ткань была холодной. Всё было холодным — и её сердце, и этот корабль, и эта чужая вселенная за бортом.

— Он не прав, — прошептала она в пустоту. — Он не может быть прав.

Но голос в её голове, тот самый голос, который звучал из голограммы Наблюдателей, отозвался эхом:

Ты — та, кто ведёт.

Она закрыла глаза, и перед ней замелькали лица. Астрид, погибшая в огне. Сера, которую разорвали жуки на части. Алиса, которую она сама оставила умирать на астероиде, потому что приказ был важнее. Все они, её сёстры, павшие одна за другой, и все они смотрели на неё с надеждой, которой она не оправдала. А теперь перед ней были лица её команды — Эрика, Дженны, Кирана, Гаррета. Они тоже смотрели на неё с надеждой. И эта надежда была таким же бременем, как и боль утраты.

— Я не могу, — прошептала она, и в голосе её впервые за много лет прозвучало нечто, похожее на мольбу. — Я не могу стать той, кем они хотят меня видеть. Я не могу забыть Императора.

Но даже когда она говорила это, она чувствовала, как внутри неё растёт зерно сомнения. Как маленькое, тёмное семя, которое Эрик посадил в её сознание своими словами. «Если ты не примешь власть, они умрут». И она знала, что он прав. Она знала, что если она продолжит вести их по пути, который ведёт только в никуда, они взбунтуются, или сойдут с ума, или умрут от голода. Её упрямство не спасёт их. Её верность Императору не согреет их в пустоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.